

Виталий Медведь

**АНГЕЛЫ
БЕЛОГО ДОМА**

Повесть

Киев

УДК 821.161
М42

Медведь В.

М42 Ангелы Белого Дома : повесть. Киев : Издательство Лира-К, 2021. 170 с.
ISBN 978-617-520-117-6

События, описанные в повести, охватывают период с 1892 по 2016 годы, погружая читателей в жизнь нескольких поколений одной родовой фамилии Демеевки, живущей в уникальном особняке Киева, именуемого «Белый Дом».

УДК 821.161

ISBN 978-617-520-117-6

© Медведь В., 2021

© Видавництво Ліра-К, 2021

На дне депрессии

Леся принесла из кухни табуретку, поставила в угол, выскользнула из тапок и вознеслась. Прямо к иконе с Мадонной. Этот дурацкий золотистый лубок Серёжа подарил маме, когда та внезапно ударилась в религию. На картинке, выполненной в традиционном комниновском стиле, действительно была изображена Мадонна. Мадонна Луиз Чикконе — поп-звезда, известная своими шокирующими, а подчас и похабными выходками. Мама подколки не заметила, попросила закрепить под икону полочку и несколько лет исправно молилась в угол на довольную физиономию разудалой певички.

Девять дней назад мамы не стало. На Лесю, два года назад опустившуюся на дно депрессии и чувствующую себя там вполне уютно, это практически не оказало воздействия. Было серо, стало серее. Существоем дальше. Другие считали, что она стойко держится.

Матери только-только исполнилось шестьдесят, но Леся сама себя уговаривала, что это уже приличный возраст, что мама уже пожила и многие её ровесники ушли ещё раньше.

Несмотря на наличие сводных брата с сестрой, поминки Леся организовывала сама. Брат ещё

в конце девяностых уехал сначала в городок Шахты, в Россию, затем перебрался в Ростов-на-Дону. Писал он редко, звонил всегда на киевский стационарный номер, а после аннексии Крыма перестал звонить вовсе. Леся попыталась отыскать в записной книжке матери его адрес, перебрала старые конверты из выдвигаемого ящика, но ростовского местонахождения брата не нашла.

Сестрица же в 2015 сорвалась в Польшу, как-то очень быстро там закрепилась, став правой рукой владельца клубничной фермы, забрала мужа с дочками и оказалась такой занятой, что похороны бывшей мачехи в её приоритетах очутились далеко не на первом месте.

На девятый день Леся наплевала на блины, куты, кисели и прочие церковные каноны и распорядки. Придя утром с Демеевского рынка, она сама себе налила полрюмки водки, выпила, поморщившись, откусила яблоко и пошла убирать с серванта стакан с болезненно выгнувшимся куском бородинского.

Затем, по непонятной логике, вспомнила про икону, пристально и долго смотрела на неё, затем тоскливо и обречённо решила, что хватит.

...На полочке было, на удивление, мало пыли. Леся потянулась за плоской серебристой свечкой, чуть сдвинула нижнюю часть иконы, та вдруг накренилась, заскользила по полированной поверхности и, крутясь в воздухе, рухнула вниз. Стекланные брызги красиво сыпанули по полу.

С полминуты Леся тупо глядела сверху на результаты салюта, после решила, что не стоит рисковать и совать ноги в тапки, перешагнула на скрипу-

чую кровать, села, обняла колени и неожиданно для себя завывала по-бабьи, длинно и стыдно.

* * *

— Ма-а-ам!

— Да, мой ангелочек?

— Почему они так шумят?

— Потому что...

— Потому что Майдан, Варька!

— Серёжа! Выключи его вообще, нечего ребёнка пугать!

— Леся, ну ты же видишь?! — Сергей показал рукой на экран ноутбука, словно это что-нибудь объясняло.

— Иди тогда на кухню, смотри свой Майдан...

— Мама, что такое Майдан?

— Это песня такая, Солнце. Сейчас я тебе её спою...

Серёжа взял ноутбук с мышкой и встал из-за стола, затем подумал, нагнулся и выдернул шнур из розетки. Похоже, спать он сегодня не собирался.

— Переведи-и-и меня-а-а-а через Майда-а-ан, через родное торжище людско-о-о-ое...

Не перевёл... У человека тысячи способов умереть. В эти дни, когда незнакомые люди начали один за одним погибать под пулями «Беркута», Серёжу невозможно было вынуть из сети. Первые дни он дёргался, рвался туда «спасать страну».

— Семью спасай, — жёстко сказала Леся. Когда было нужно, она переставала идти на компромиссы и кивать.

— Лесь, ты не понимаешь...

— Нет, Серёж, это ты не понимаешь! У тебя дочери 3 года. Мама болеет. Семью спасай. Только так страну спасёшь...

— Ле-е-е-есь...

— Ма-а-а-ам, — внезапно закричала Леся, услышав звяканье чайной ложечки, — скажи ему!

Мама ничего не ответила, но Серёже этого хватило. «Зинпалне», как он её называл, он никогда не перечил. И Леся незаметно расслабленно выдохнула. Ей хватало волнений за дочь.

Варька задавала жару с самого рождения.

Едва научившись ползать, она лезла во все шкафы и ящики, доставала посуду, тряпки, мешки, все, до чего дотягивалась. Как-то года в два удивила бабушку, сначала вынув на кухне с полок все кастрюли, а потом самостоятельно поставив их обратно. Зато с игрушками проблем не было никаких, играть Варя могла с чем угодно: с телефонами, пультами, машинками, Серезиными отвертками, любой ерундой, кроме кукол.

Чтобы отвлечь дочь на полчаса, достаточно было дать ей что-то новое, неизведанное и дальше заниматься своими делами. Правда, в этом случае появлялись другие риски, например, никогда больше не найти этой вещи, или найти ее в крайне необычном месте. Из стиральной машинки Леся не раз доставала ручки, книжки, мамины очки и таблетки, а из унитаза вылавливала плоскогубцы и кубики.

Буквально позавчера Варька напихала себе полные уши пластилина и выстригла клочок волос. Но все равно она была удивительным, беззащитным анге-

лочком и Леся беспрестанно переживала, что с ней что-нибудь случится. А теперь еще этот Майдан.

Как же Леся в эти дни боялась. Криков, фейерверков, коктейлей Молотова, милиции, людей в шарфах и балаклавах — всего, что делало её любимый, привычный Киев незнакомым, чёрным и пугающим.

Зря боялась.

В один из вечеров, вернувшись с работы, она обнаружила, что Сережи дома нет. И Варьки тоже. Не найдя на стене в коридоре санок, Леся решила, что семейство ушло кататься в котлован, но вот уже в окна заглядывала тьма, а тревожные голоса из включенного у мамы телевизора нагнетали.

— Ушел таки, зараза, на свой Майдан, — решила Леся, — еще и дочку с собой потащил, зная, что Леся будет ругаться, если он оставит ребенка на больную мать.

Мобильный не отвечал. Леся, не чувствуя вкуса, слопала вареную картошку, засыпанную обжаренным луком, выпила чай, забыв положить туда сахар, и принялась смотреть в окно.

Когда к девяти часам домочадцы так и не объявились, Леся пришла к маме в комнату, уселась на краешек дивана и уставилась в телевизор, пристально вглядываясь в лица бастующих, среди которых время от времени показывали какие-то окровавленные физиономии. Ну, не может же Сережка быть там?! Или может? Но ведь не с дочкой?!

Около одиннадцати в дверь позвонили. Несколько часов назад Серёжу с Варей банально сбил машиной пьяный технолог кондитерской фабрики

ки «Рошен». Насмерть. В двухстах метрах от дома. Санки остались валяться у бордюра.

После третьей истерики Лесю выключило. Был какой-то суд, в стране менялась власть, людей убили, на столе ждала неоконченная кандидатская — все это проходило мимо. Мозг заполнили шуршащие шарики пенопласта. Пш-ш-ш-шш. Белый шум. И только мама, настойчиво требующая внимания и помощи, удерживала Лесю от желанного шага из окна третьего этажа их Белого Дома.

Белый дом

— Ну, вот смотри. В Лыбидьской земле, в Хотовской волости Киевского уезда жило-было небольшое село, которое называлось Демеевка. Ручные мануфактуры, крестьянский труд, позже — конная тяга, первые паровые двигатели — все как у всех. В конце шестидесятых годов XIX века сюда проложили железную дорогу, и местечко сразу стало быстро разрастаться. Появился огромный сахарорафинадный завод, несколько промышленных объектов поменьше...

— Ну хоть не с огненного шара начала! А почему Демеевка-то? Тут почти ничего не осталось по твоему профилю!

— Очень просто, Макс! Я положила все столичные объекты, о которых уже писалось, на карту. Вот, видишь? Здесь плотненько, тут вообще все синее, а Демеевка — белое пятно... Есть работы про

Барышпольскую синагогу и Свято-Вознесенскую церковь, и все. Больше никто и ничего!

— Хорошо, дальше.

— В 1882 году знаменитый киевский купец-миллионер Андрей Родионов заказал талантливому зодчему Самсону Гершевичу Чиченфельду построить в Демеевке родовую усадьбу, с чем старый опытный хитрован блестяще справился. Вот! Смотри, какие чистые и гармоничные пропорции, какая уравновешенность объёмов, какие детали! Видишь этот растреллиевский фасад? Во время строительства напротив будущей усадьбы на улице Казацкой располагалось здание доходного дома мадам Толстых, выполненное в стиле барокко. И Чиченфельд не побрезговал плодами другого архитектора и повторил отелльные элементы, создав на улице единый ансамбль. К сожалению, в начале 20-х годов соседний дом был разрушен.

— Ну да, затейливо...

— Здесь на фото не виден очень претенциозный курдонер, но зато, смотри, какие филёнчатые двери, эркеры над атлантами, какие кариатиды на лоджии, лепные цветы — просто три этажа сплошного писка!

— Это старое фото или вся эта красота и сейчас ещё жива?

— Пока я раскопала, что в 1921 году часть здания отдали на баланс киевского ГУБОНО и там располагался детский сад. Советские детки забрали себе парадный вестибюль, гардеробную, каминную, аванзал, приёмную, кабинет самого Родионова, диванную, малую гостиную, бильярдную и парадную столовую —

в общем, весь первый этаж. Остатки семьи бедного владельца загнали на третий этаж, и они были вынуждены заходить к себе домой через чёрный ход.

— Ну, это стандартная ситуация для того времени.

— Но не очень стандартно, что потомки купца 1-й гильдии и старосты церковного прихода Андрея Матвеевича Родионова по-прежнему живут в этом здании.

— Ишь ты!

— Да! И через них я хочу подать всю историю. Историю Белого Дома.

Странный список

Первое стёклышко Леся обнаружила ещё в коридоре. Непонятно было, как оно умудрилось при закрытых дверях проскочить на такое расстояние. Пришлось начать мести прямо от коврика.

Добравшись до испорченной иконы, Леся аккуратно приподняла за угол перекосившуюся рамку и встряхнула её. На пол с лёгким перестуком выпало несколько странных предметов. Небольшая, но тяжёлая картинка с цветными фигурками мужчины и женщины упала изображением вверх. Воспоминание резким щелчком ворвалось в мозг: Леся сидит на прикроватной тумбочке, держа в руках дурацкую металлическую заводную жабу, а на самой кровати полулежит мать в ситцевом халате и разворачивает сложенный квадратом чёрный платок. В

платке — полиэтиленовый пакет, внутри которого завёрнутая в газетку та самая иконка. Муромские чудотворцы, святые Пётр и Феврония.

— Это же надо! — вяло удивилась Леся. Мать-то была не так плоха! И не поддельной Мадонне она молилась все эти годы, а самым известным покровителям семьи и брака, писанным, как минимум, век назад.

Может, и деменция её была притворством?! Как-то, вернувшись домой, Леся обнаружила полную ванну воды, в которой плавали невнятные ошмётки.

— Сухарик мочила, — ответила мать на немой вопрос.

В другой раз в период ремиссии Леся попросила мать начистить картошки, пока она сбегает в магазин. Мама почистила всю, что была в доме. Ведро с горкой.

А сколько раз Леся ловила её по городу, не помнящую, как её зовут и где живёт. Благо, какое-то шестое чувство каждый раз приводило мать на автовокзал, где она усаживалась в автобус Киев—Черкассы и ждала, пока её во время проверки билетов в очередной раз не выведет водитель. Случалось даже, что вокзальный инспектор патрульной службы Евгений Антонян, безответно положивший на Лесю глаз, зная время Лесино возвращение с работы, самостоятельно привозил мать домой. Да нет, такого количества дурацких ситуаций не придумаешь и не сыграешь...

Леся присела на табурет и вынула из кучки стекла остальное.

Сложенный вчетверо тетрадный листок в клеточку содержал странный список, накорябанный не-

сколькими почерками. Похоже, это были члены их семьи, но отобранные каким-то непонятным образом.

Родионов Андрей Матвеевич
Родионов Михаил Сергеевич
Родионова Валентина Матвеевна
Родионов Владимир Михайлович
Родионов Кирилл Владимирович
Родионова Зинаида Павловна
Родионова Варвара Сергеевна

Логика писавшего не поддавалась объяснению. Прежде всего, Леся пожалала плечами на Варвару Сергеевну. Её имя было написано явно маминым почерком. Варечка, её ангелочек, по всем документам была Сушко, как и Серёжа, как и она сама. Либо у мамы все перепуталось, либо в их родне была ещё одна Варвара Сергеевна, о которой Леся ничего не знает. Пожалуй, с этим можно было бы разобраться, но навалившаяся невероятная усталость заставила Лесю отложить веник, забраться с ногами на кровать и закрыть глаза...

Уманские корни

— Какого рожна вы разлеглись?!

Мужики моментально повскакивали с мест и принялись заправляться, стряхивать с рубах сено и тушить папиросы. Племянник Аркашка, который в силу родственных связей позволял себе чуть

больше, тем не менее, также соскочил с распряженной телеги и вытянулся.

— Дык... Перекур, Андрей Матвеевич...

— У меня перекуров нет. Почему у вас должны быть?

Настроение работников Родионов в принципе понимал: товар разгружен, последнее летнее солнышко разливает уютное тепло, в воздухе плывет медовый запах люцерны, лениво. Однако сенная мука сама собой не помелется, а значит, нужно работать.

Голос Андрей Матвеевич повышал крайне редко, обычно хватало взгляда. Его властный и твердый характер был отлично известен в округе, но и то, как он умеет трудиться, для многих было примером, а для некоторых — раздражителем. Без работы он сидеть не мог, но и других заставлял ломить по полной, «на всю длину». Тот же Аркашка как-то под вечер сказал ему в сердцах, утирая пот со лба: — Тиран ты, дядь Андрей! Я бы послал тебя куда подальше, если бы не видел, что сам ты за троих в плуг впрягаешься!

Трижды в родной Умани Андрея Матвеевича избирали представителем уездного земства, кроме того был он и старостой церковного прихода.

Ходили слухи, что его дед выиграл в карты часть состояния у самого Ежи Потоцкого, но подтверждений этому не было. Сколько он помнил, у отца была всего лишь лавка, пусть и большая. Торговали бакалейными и колониальными товарами: сахаром, чаем, кофе, всевозможными сладостями, заморским вином, разлитым по бутылкам, американскими спичками, табаком, инструментами,

консервами, свечами, платьем и тканями, водкой, оружием и порохом. Круг покупателей был достаточно обширен и довольно-таки постоянен: уманская знать, чиновники, желающие подпустить пыли в глаза, просители, ищущие достойную взятку, рестораторы, которые не могли себе позволить закупиться оптом на ярмарке на большую сумму сразу.

Папаша, Матвей Родионов, был вспыльчив, несдержан и до жестокости суров, за малейшую провинность мог вынуть из портков ремень, а то и достать батог, особенно, когда выпьет, свидетельством чего остался длинный шрам на черепе, частично скрытый черными, непослушными волосами. Кроме того, по малейшему поводу родитель мог на целый день запереть сына в чулане. Чтобы избавиться от скуки, Андрей научился заранее припрятывать на полках пару-тройку книг. Самая толстая из них — Библия стала ему неинтересна после третьего прочтения, но выбор был небогат и молодой человек чуть не наизусть выучил карманную книгу рецептов, до дыр затер сочинение Даля под названием «Безчестье», запомнил сборник стихов «Declamatorium», пытался даже читать сборник Шиллера на немецком языке, но слишком многие слова оставались загадками.

Научение через боль продолжалось ровно до того момента, пока однажды Андрей Матвеевич в подростковой несдержанности не выдернул из рук родителя дрын и не переломил его пополам. С этой минуты папаша посчитал потомка взрослым, сообщив, что дальше его воспитывать бессмысленно, пользы не

будет, и стал все чаще оставлять лавку на сына, поднимаясь в пристроенную наверху квартиру.

Встав за конторку, Андрей Родионов принялся наводить свои порядки. Прежде всего он полностью отказался от меновой торговли, назначив каждому товару свою цену.

Затем разнес по сторонам различные типы товаров, упорядочив и рассортировав главенствующую ранее мешанину: москательные товары — в один угол, муку, крупы и пряности — в другой, фрукты и овощи — в третий. Кроме того, приобрел амбарную книгу Дитятковского товарищества писчебумажных фабрик на 140 листов с мраморными обрезами, куда начал скупуплезно вписывать все дебет и кредиты. Если торговля ведется не за наличные, а в долг, то пусть под низкие, но проценты. Теперь никто не мог обвинить его, как отца, в том, что он пропил все мозги и помнит долги, которых никогда не было. Деньги — грязь, но счет любят. Посчитали, записали.

Отец по началу ругался, что в новом порядке ничего не может найти, но после привык и успокоился, так что Андрей даже сумел выпросить у того средства на возведение шкафов от пола до потолка. Новая мебель позволила разгрузить теснину в центре, а также дала возможность посетителям самостоятельно выбирать товар. Продавец стал отвлекаться только на то, что требовало взвешивания или пересчета.

Когда в соседском помещении умер владелец, а его супруга решила вернуться к родственникам в село, Андрей уговорил отца по дешевке выкупить зал и обосновать там мясницкий магазин со сквозным проходом в их заведение.